

А. Л. Волков (Астрахань)

БОЕВАЯ И СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА РУССКОЙ АРМИИ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

К СОЖАЛЕНИЮ, до настоящего времени в отечественной исторической литературе в целом преобладает достаточно негативная оценка военных преобразований, осуществленных императором Павлом I (ил. 1).

С конца XIX в. в отечественной историографии начинает складываться представление, что во время правления Павла I происходит «опруссачивание» русской армии, когда гатчинские «спешные порядки», внедренные новым императором, привели к тому, что русские войска резко потеряли в боеспособности

Ил. 1. Император Павел I

и «действительная военная наука» сменилась «прусской шагистикой», в армии «исчезла инициатива», была введена «устаревшая прусская форма», а войска готовились к войнам по таким же «устаревшим уставам»¹.

Основная задача исследования видится в определении, насколько подготовка войск отвечала требованиям ведения войны в конце XVIII в., а также, как войска готовились к предстоящим баталиям. Таким образом, в данной статье мы не будем углубляться в описание уставного

порядка исполнения тех или иных строевых экзерциций или тактических приемов.

Анализируя боевые действия конца XVIII в., можно совершенно точно констатировать, что оружейный огонь развернутых в линию батальонов оставался доминирующим способом ведения боя. Запл батальона численностью примерно в 600–700 человек, развернутого в линию, давал примерно 1000–1200 выстрелов в минуту².

При этом линейное построение войск, и прежде всего пехоты, в конце XVIII в. оставалось основным для армий всех европейских держав. К примеру, прусская и австрийская армия использовали в качестве основного боевого построения пехоты развернутый трехшереножный строй, а в бою зачастую и двухшереножный, который увеличивал плотность огня³. В России устав 1796 г., равно как и во Франции Регламент 1791 г. предписывали построение пехоты развернутым строем в три шеренги.

Средний показатель темпа выстрела из пехотного ружья составлял порядка 2–3 выстрелов в минуту, а в реальном бою скорострельность могла быть еще ниже. Таким образом, скорость и правильность выполнения приемов заряжания огнестрельного оружия являлась одним из определяющих слагаемых успеха в пехотном бою конца XVIII в., равно как и поддержание равнения в строю при перемещении войск по полю боя. Что в любой европейской армии рассматриваемого периода добивалось исключительно длительной «муштровкой» солдат, т. е. выработыванием у них устойчивых навыков ведения боя в любых условиях.

Длинные развернутые линии батальонов, чтобы поддержать равнение в рядах, перемещались по местности с весьма небольшой скоростью. По русскому уставу 1796 г. шаг солдата должен был соответствовать $\frac{3}{4}$ аршина, или 53,35 см. В результате чего темп марша составлял 75 шагов в минуту. Также в боевой ситуации применялся скорый шаг — 108 шагов в минуту. Примерно схожий темп был предусмотрен и французским уставом — 76 и 120 шагов соответственно.

Таким образом, павловский устав 1796 г. в вопросе скорости перемещения пехоты на поле боя отвечал современным на тот период представлениям о способах ведения боя инfanтерией.

Наконец, отметим, что во второй половине XVIII в. русская армия пережила смену тактики ведения боя, которая от оборонительного характера в Семилетней войне преобразовалась

в атакующую и агрессивную, с широким использованием максимально быстрого сближения с противником вкупе с выработанной в войсках психологической устойчивостью к штыковому бою⁴.

При этом, например, в Итальянской кампании и в самом крупном полевом сражении Швейцарской кампании — двухдневной битве в Муттенской долине русская армия проводила штыковые атаки в развернутом линейном построении, за исключением случаев, когда построение в линию было невозможно по условиям местности, неоднократно опрокидывая французские пехотные колонны.

Таким образом, можно сделать вывод, что никакого игнорирования иностранного, прежде всего французского, боевого опыта не было. Французская армия еще только развивала свое тактическое превосходство, прочие же армии воевали в рамках линейной тактики, реалиям которой соответствовал и русский устав 1796 г.

Теперь обратимся к системе боевой и строевой подготовки, созданной императором Павлом I.

Основой данной системы, без сомнения, служат армейские уставы, принятые уже 29 ноября (10 декабря) 1796 г.: «Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе», «Его Императорского Величества Воинский устав о полевой Кавалерийской службе» и «Его Императорского Величества Воинский устав о полевой Гусарской службе». В новых уставах была прописана четкая организационная структура и штаты армейских полков, единые правила строевой и боевой подготовки войск.

Относительно авторства и происхождения пехотного устава 1796 г. в отечественном историческом сообществе до настоящего времени нет единого мнения. Большинство авторов традиционно ссылаются на «прусскую основу» данного документа, при этом только в начале XXI в. историки Е. И. Юркевич и А. Л. Жмодиков поставили «пруское происхождение» устава под сомнение. Вместе с этим, изучение положений устава 1796 г. позволяет сделать ряд интересных выводов.

В том числе, при сравнении уставов 1763 и 1796 гг. находится в вопросах обучения рекрут и солдат много идентичных или заимствованных положений «екатерининского устава»⁵. Таким образом, устав 1796 г. фактически объединил в себе почти сорокалетний себе опыт строевой подготовки нижних чинов в русской армии⁶.

Аналогичная ситуация наблюдается и в вопросах огневой подготовки войск — совпадают процессы заряжания и управления стрельбой⁷.

Интересен фактически компромиссный характер нового устава относительно спорного вопроса о необходимости произведения пехотой прицельной стрельбы. Дело в том, что среди русских военачальников второй половины — конца XVIII в. единого мнения по этому поводу не было. При этом устав 1763 г. предписывал проводить прицельную стрельбу, за что выступал А. В. Суворов, ратовавший также и за ускоренную перезарядку, в то же время, например, генерал-майор граф С. Р. Воронцов, генерал фон Мейендорф и генерал-поручик князь А. И. Вяземский считали, что гораздо важнее обучать войска быстрой перезарядке, что повышало плотность огня⁸.

А. И. Вяземский писал, что солдат должен уметь стрелять от пяти до четырех выстрелов в минуту⁹. Отметим, что устав 1796 г. предписывал солдату «голову опустить, и глядеть, куда стреляет»¹⁰.

Примечательно и мнение армейского «фрунтового» офицера Л. Н. Энгельгардта о новом уставе. Оказалось, что «эволюции были просты, требовались только одна точность и мелочи удобопонятные»¹¹. Данное утверждение является весьма ценным наблюдением. Причем наблюдение и выводы армейского офицера, привыкшего к строевой службе, а не к «клабам и маскарадам» столичного Петербурга в «век золотой Екатерины».

Относительно кавалерийских уставов «Его Императорского Величества Воинский устав о полевой Кавалерийской службе» и «Его Императорского Величества Воинский устав о полевой Гусарской службе» отметим, что реформы в кавалерии назрели, поскольку кавалерийский устав 1763 г. повторял положения еще устава 1756 г., а войска накопили за прошедшее время немалый опыт.

К положительным моментам новых уставов следует отнести введение двухшереножного строя, построение колонн из середины, точность исполнения, — все это усиливало, так сказать, «фрунтовую часть» русской кавалерии¹². Даже А. К. Байов указывает, что кавалерийские уставы и наставления Павла I давали хорошую «узко-строевую подготовку» и являлись средством выработки «истинного кавалерийского духа»¹³.

Наконец, кавалерийские уставы, по мнению К. В. Татарникова, отличались от пехотного устава большей последовательностью и ясностью изложения¹⁴.

В данном случае отметим, что сам устав предписывал кавалерии действовать весьма агрессивно, причем в качестве успеха атаки указывалась необходимость движения единым фронтом на неприятеля, держать равнения линии, двигаться по прямой линии¹⁵.

При этом рассматривались нюансы атаки на пехоту и кавалерию, причем давались конкретные указания, как приучать лошадей к стрельбе, а пехоту — к виду атакующей кавалерии¹⁶. При этом в бою перестроение из колонны в боевую линию — деплояда, один из наиболее сложных маневров, должен был выполняться на максимальной скорости в минимально короткое время¹⁷.

Атака была основным видом боя и проводилась в сомкнутом строю против противника, находящегося в «устройстве», и в рассыпном строю атаквали уже расстроенного противника, причем атака производилась на галопе без соблюдения строя¹⁸. Предусматривались и способы атаки противника во фланг, а также фланкировка — действия цепи кавалеристов огнестрельным оружием против противника с целью заставить его расстроить ряды, в случае удачи следовала атака неприятеля всем полком¹⁹.

Наконец, стоит отметить, что все вышеописанные маневры могут выполняться при условии хорошей индивидуальной конной подготовки солдата. При этом требования к уровню подготовки не отличались какими-то завышенными показателями, что было особенно важно, поскольку со времен прошлого царствования русская кавалерия качеством одиночной выездки всадников не отличалась. Полностью исправить эту ситуацию, по всей видимости, к началу кампании 1799 г. не удалось, но в целом выучка русской кавалерии выглядела на достаточном уровне даже по сравнению с лучшей континентальной кавалерией того времени — австрийской.

Кроме того, пехотный устав 1796 г. создал правовую основу единого обучения армейских подразделений. В части шестой главы 5 П.ХІ «Как полки состоят под Инспекторами и какую имеют Инспекторы власть» Устава 1796 г. прямо пишется: «Во всех полках наблюдать равенство как в экзерциции, так и в одеянии, под опасением лишения чинов, как Шефу, Инспектору или Командиру не отваживаться переменять что-либо в экзерциции или в одежде, но оставаться всему так, как от Государя предписано»²⁰.

Вышеприведенное требование устава и последующий затем жесткий контроль со стороны императора практически пресекли самоуправство полковых командиров, ранее муштровавших вверенные им части по собственному усмотрению. Зачастую эта муштра мало соответствовала требованиям тогдашнего екатерининского устава.

Кроме того, органами военного управления была проведена работа по созданию условий для скорейшего внедрения устава в войска, что нашло свое отражение в «Предложении, данном Военной коллегии от президента оной Графа Салтыкова “О приведении в исполнение изданных трех уставов о воинской службе двух о конной и одного о пехотной”»²¹.

Военной коллегии предписывалось разослать войскам копии уставов, «дабы с получения оных к приведению войск в новое положение тотчас приступили и во всем при устроении их теми Уставами руководствовались»²².

При этом в новых уставах отдельно подробно прописывались обязанности офицера по подготовке рекрутов²³. Определялась ответственность офицера за надлежащую строевую подготовку подразделений²⁴.

В соответствии со сложившейся практикой во все инспекции были отправлены офицеры, хорошо знавшие «обряд, порядок и фронт» новой службы, с целью на местах разъяснить требования нового устава. Причем уполномоченные для этого офицеры забирались в самые дальние уголки империи. Так, для этой цели в Оренбургскую и Сибирскую инспекции был назначен подполковник Ф. Ф. Эртель, имевший репутацию энергичного и педантичного гатчинского служака, которую он блестяще доказал на примере обучения новым уставам Лейб-гренадерского полка, который был обучен новому строю всего за 12 дней и 25 ноября 1796 г., участвуя в первый раз на разводе в Высочайшем присутствии, удостоился благоволения императора²⁵.

Кроме того, в январе 1797 г. было приказано из всех полков прислать в Санкт-Петербург по одному офицеру, квартирмейстеру, унтер-офицеру, рядовому и барабанщику для принятия новых образцов мундиров, изучения порядка службы, экзерциций. Н. А. Грязев из гренадерского полка Розенберга (Московский гренадерский) позднее вспоминал, что в период с 21 по 26 января 1797 г. он вместе с остальными направленными чинами посещал Экзерциргауз для обучения разным приемам, в том числе

Ил. 2. Вахтпарад в Гатчине

приемам обращения с оружием, разным маршам, разводному параду и так далее²⁶. При этом император лично следил, чтобы из полков присылали офицеров и солдат «ревностных и радеющих».

Кроме того, устав четко определял способ обучения войск. В п. 12 главы IV части пятой говорится, что «В учебные месяцы, когда полк собран, то по крайней мере учить по два раза в неделю по ротам, не собирая батальонов, дабы Капитаны и Командиры имели время выправить своих людей; а два раза в неделе учить побатальонно или всем полком. При таковом учении солдатам иметь в неделе три дни отдыха, а полк в сие время можно привести в порядок без отягощения людей, и не много будет слабых или больных»²⁷.

Когда полк находился в походе, учения осуществлялись следующим образом. В полковом лагере с 5.00 до 9.00 утра учение рекрутов, с 13.00 до 15.00 — барабанщиков, дважды в неделю батальонные учения, но не более чем четвертью личного состава²⁸.

При этом в Петербурге батальонные и полковые учения проходили практически весь год либо на Дворцовой площади, либо на Царицыном луту²⁹. Продолжительность подобных учений составляла от 2 до 3 дней, что в общем давало 6–8 учебных дней

Ил. 3. Г. Шварц. Маневры в Гатчине при Павле I

в месяц, и зачастую на них присутствовал император с сыновьями³⁰ (ил. 2).

Наконец выучка войск проверялась на маневрах и смотрах. Отметим, что в отечественной историографии укоренилось мнение, будто маневры крупных масс войск были весьма редки, ничем не отличались от обычных учений, а на первое место вышел педантизм, красота ружейных приемов, механическое воспроизведение движений на ограниченном пространстве³¹. В тоже время из современных авторов только Е. И. Юркевич обратил внимание на то, что маневры занимали важное место в деле обучения войск, и постепенно они становились все масштабнее.

Так, в маневрах 4–8 сентября 1800 г. принимало участие до 20 батальонов пехоты и 5 эскадронов кавалерии при 12 орудиях³² (ил. 3). В маневрах в Гатчине 1, 3, 7, 10 и 15 сентября 1797 г. участвовало 7514 человек³³.

Кроме того, поездки императора по стране также зачастую имели целью проверить выучку войск. Так, например, посетить Казань Павел I планировал сразу после коронации, но эту поездку удалось осуществить только в 1798 г. Императорский вояж в Казань начался в мае 1798 г., и маршрут главы государства пролегал практически через все центральные губернии государства,

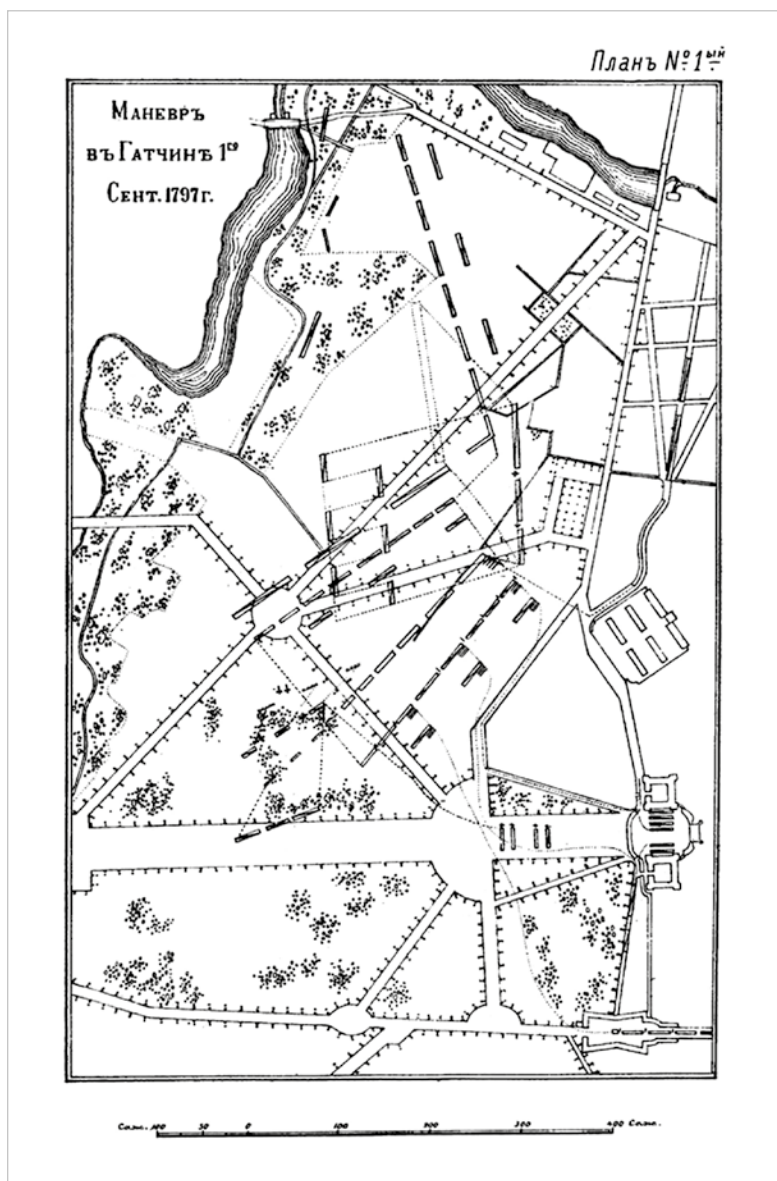

Ил. 4. Г. Шварц. Маневры в Гатчине при Павле I

причем кортеж проследовал через Москву, Владимир, Нижний Новгород, а уже возвращаясь из Казани, император почтил своим присутствием Ярославль, Тихвин. 12 мая 1798 г. в Москве состоялся большой смотр войск под командованием фельдмаршала И. П. Салтыкова, а затем трехдневные маневры, в которых приняло участие в общем числе пехоты и конницы 16 627 человек³⁴. Собственно в Казани маневры прошли с 26 по 28 мая, в которых было задействовано 13 000 солдат при 20 орудиях³⁵.

Постараемся выделить лишь общие закономерности и те приемы, которые будут использоваться войсками в войне 1799 г.

Итак, в программу маневров в обязательном порядке входил церемониальный марш войск (проверка навыков строевой подготовки), а также два, а иногда более дней маневров, имевших определенный сценарий, как-то: атака неприятеля, захват какого-либо участка местности, оборона и так далее (ил. 4). Войска в обязательном порядке выделяли авангард, в состав которого входили егеря, казаки, артиллерия, а также тяжелая пехота — сводно-гренадерские батальоны. Кроме того, для авангарда могли формировать сводные части прямо во время маневров. Например, на маневрах в сентябре 1797 г. в Гатчине все батальоны тяжелой пехоты выделяли по два ряда, из которых было составлено три сводных

Ил. 5. План маневрам в Гатчине 1 сентября 1797 г.

батальона, усиливавших авангард³⁶ (ил. 5). Кроме того, войска делились на дивизии, а также на авангард, главные силы и арьергард. Кавалерия сводилась в импровизированные бригады.

В сценарии маневров в обязательном порядке входило движение пехотных колонн к месту «боя» под прикрытием кавалерии, если она, конечно, участвовала в учениях, с последующим развертыванием в боевую линию, после чего пехотные линии демонстрировали навыки ведения ружейного огня плутонгами, затем был батальный огонь, огонь отступными и наступными плутонгами. Также отрабатывался проход первой линии сквозь вторую, а затем вторая, по завершении, проходила таким же образом сквозь первую³⁷. В обязательном порядке производилось построение пехотных и кавалерийских подразделений из двух линий в одну (алиенимант), причем пехота производила либо огонь с места, либо «атаковала» неприятеля³⁸. При этом во время маневров внимание уделялось не только пехотным атакам в линейном построении, но и в колоннах. Так, 15 мая 1798 г. на московских маневрах пехота второй линии, построившись в колонны под прикрытием других войск, «на штыках» форсировала мост и, в свою очередь, развернулась в боевую линию³⁹. Отметим, что «атака моста», в том числе и «в штыки», встречается практически во всех маневрах, и ее стоит рассматривать как опыт преодоления в колоннах любых препятствий и дефиле.

Зачастую отрабатывалась и атака лесных массивов не только егерями, но и гренадерскими частями, т. е. батальонами тяжелой пехоты, как это было в сентябре 1797 г. в Гатчине, когда гренадерские батальоны лейб-гвардии Семеновского и Измайловского полков атаковали лес уже после занятия ими соседней господствующей высоты⁴⁰.

Отметим также, что маневры в сентябре 1797 г. в Гатчине, Москве в мае 1798 г. носили чрезвычайно динамичный характер с постоянной отработкой действий воинских подразделений арьергарда или специально выделенных батальонов во фланг противника, т. е. наличествовал маневр на «поле боя» с усилением войск на нужном направлении, что никак не вяжется с «классической картиной» линейной тактики.

Оценивая действия кавалерии, следует отметить, что в маневрах роль ее была чрезвычайно разнообразна. Прежде всего, как указывалась выше, кавалерия вела рекогносцировку местности, прикрывала марш и развертывание пехоты, действовала

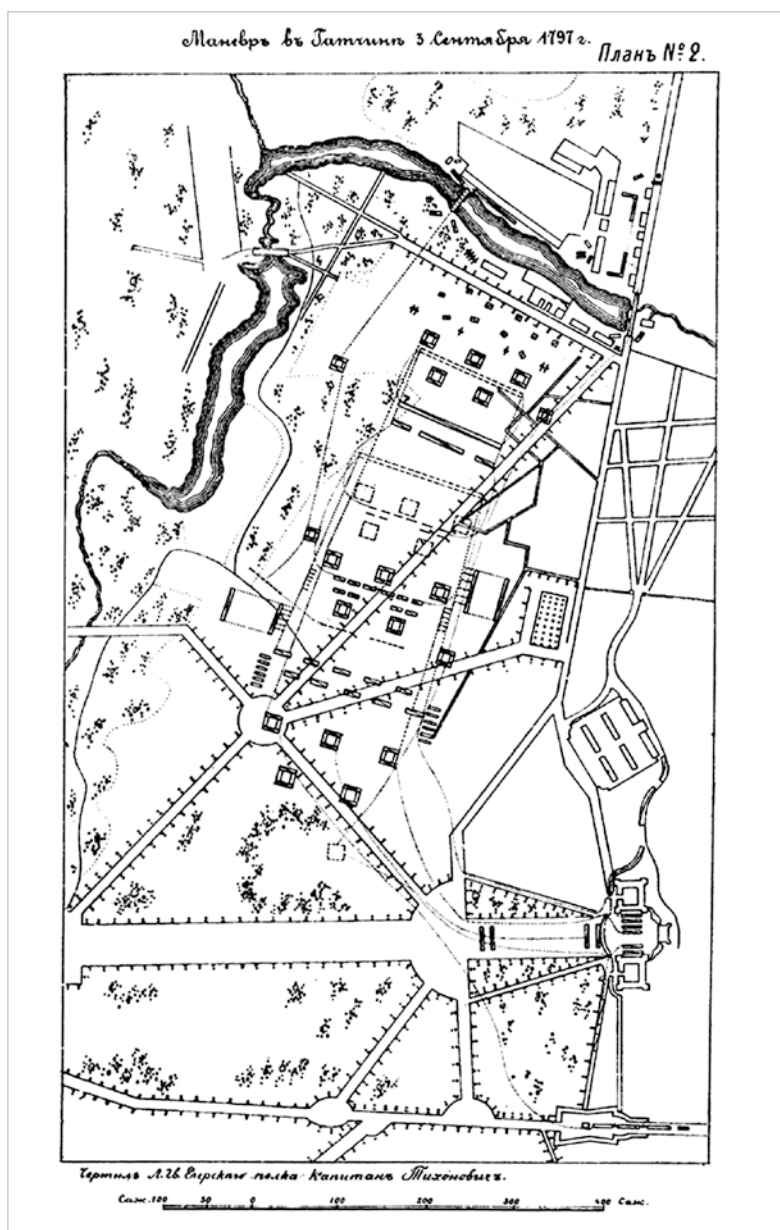
в авангарде совместно с егерями, прикрывала отход пехотных частей. Особое внимание нам стоит обратить на то обстоятельство, что практически на всех маневрах «отыгрывается» один и тот же сценарий: атака первой линии кавалерии, ее отход, атака второй линии кавалерии, за это время первая собирается и либо прикрывает отход второй линии, либо атакует вновь. Таким образом на противника обрушивается каскад из серии кавалерийских атак.

Например, 13 мая 1798 г. на московских маневрах была произведена «полная атака» карьером пяти кирасирских и одного драгунского полка, развернутых в линию — всего порядка 30 эскадронов, от которой, по запискам очевидцев, «тряслась земля»⁴¹. Причем и данное движение, и последовавшая затем атака гусар, «величественная и ужасная», производились «с совершенною живостью и искусством»⁴².

Наконец интересный опыт использования кавалерии был 3 сентября 1797 г. в Гатчине (ил. 6), когда войска отрабатывали действия против иррегулярного неприятеля. Собственно, здесь мы видим и построение пехоты в каре ан-эшекье (использование опыта сражений под Фокшанами и Рымнике, как говорится, налицо), причем в каре сворачиваются не только основные силы, но авангард и арьергард, которые прикрывают фланги главных сил⁴³. Причем вся эта масса пехоты движется вперед, маневрирует на поле боя, занимает возвышенности. По условиям маневров «отступающая» русская кавалерия занимает позиции между каре, казаки рассыпаются по флангам, кареи отражают огнем неприятеля, и вот уже русская кавалерия, выезжая со своих позиций, строится в две линии, гусары — на флангах второй линии, причем первая линия идет карьером в «полную атаку», вторая за ней на рысях поддерживает движение, гусары заходят во фланг «неприятелю», а казаки прорываются еще дальше, преследуя отступающего неприятеля⁴⁴.

Кроме того, на маневрах отрабатывался прием, который заключался в прохождении «отступающей» кавалерии через промежутки в пехотных линиях и сбор по аппелю конницы уже под прикрытием пехоты⁴⁵. Отметим, что такой способ фактически предназначался, по всей видимости, в том числе и для того, чтобы приучить пехоту к виду приближающейся кавалерии, равно как и кавалерию к виду «устроенной» пехоты.

Несколько слов стоит сказать и об артиллерии. Без сомнения, павловские реформы артиллерии имели важнейшее значение для

Ил. 6. План маневрам в Гатчине 3 сентября 1797 г.

русской армии. Собственно, император требовал от нее сочетания быстроты маневра с прицельной стрельбой. Поразительна скорость, с которой орудие переводилось в боевое состояние — порядка 10 секунд от остановки до первого выстрела⁴⁶. При этом при Павле I артиллеристы были освобождены от участия в церемониальных маршах и прочей шагистики. Но их учеба подразделялась на лабораторные (две недели) и лагерные (месяц) занятия и производилась с 1 мая по 1 августа⁴⁷. Во время лагерных занятий артиллерия отрабатывала действия на месте и в движении⁴⁸. Много времени уделялось и стрельбе из орудий по мишеням ядрами и картечью.

Во время маневров артиллерия формировала батареи, которые должны были поддерживать войска, причем зачастую в батарее определялось до трети орудий «стороны», т. е. артиллерия массировалась на определенных участках, где должно было осуществляться наступление. Отдельно отрабатывались действия группами по 2–3 орудия, приданными различным подразделениям, например, авангарду.

При этом на маневрах 1800 г. в Гатчине действия артиллерии и пехоты осуществлялись с учетом опыта прошедшей кампании, поскольку в «деле» участвовали полки и батальоны, воевавшие в Голландии в августе–ноябре 1799 г. Например, сводно-гренадерский батальон Матюшина, стоявший на возвышенности и «атакованный» двумя батальонами «неприятеля», был вынужден отступать, прикрываемый эскадроном лейб-казаков и егерями с одной стороны, и сдерживая «неприятеля» огнем орудия, по всей видимости, отступавшего вместе с батальоном, под прикрытием гренадерской роты⁴⁹. Фактически данный маневр повторяет эпизод сражения при Кастрикуме 6 октября 1799 г., когда артиллерия, действуя впереди отступавших с боем русских батальонов, своим огнем сдерживала фланговые атаки противника, пока на выручку не подошли гренадерские батальоны полковника Я. Дубянского.

В завершение исследования видится необходимым сделать ряд выводов. Прежде всего отметим, что отрабатываемые в учебный период и продемонстрированные войсками на маневрах навыки и тактические эволюции в целом вполне отвечали реалиям тогдашних боевых действий, ибо участие, к примеру, в сражении пехотного батальона представляло собой череду передвижений, перестроений и, конечно же, слаженного ведения огня как

основного способа ведения боя в конце XVIII в. Данные навыки войска продемонстрировали на достаточно приемлемом уровне даже для столь требовательного человека как император Павел I.

Наконец регулярно проводившиеся маневры фактически уровневой дивизия — корпус были важнейшим звеном в строевой и боевой выучке войск. Практиковавшиеся в их ходе тактические приемы соответствовали действовавшим на тот момент уставам и, без сомнения, способствовали тому, что войска, обученные по единой программе, были способны исполнять эволюции даже в составе сводных подразделений, поскольку постоянных дивизий в тот момент еще не существовало. Впрочем, войска инспекции, в определенной степени, можно считать таковыми, при условии, конечно, что части будут сражаться вместе. При этом обратим внимание, что тактические эволюции слаженно выполнялись, в том числе, и крупными массами войск, а сами «баталии» были достаточно динамичны и демонстрировали вполне достойное знание войсками современных на тот момент способов ведения боя. Кроме того, старшие начальники имели возможность попрактиковать многие способы ведения боя, как, например, те же «полные атаки» кавалерией, получая необходимый для войны опыт.

Немаловажным условием боевой подготовки войск являлось обучение взаимодействию различных родов войск на поле боя, и прежде всего пехоты и артиллерии, кавалерии и егерей, а также собственно пехоты и кавалерии. Маневры 1800 г. показывают, что использование опыта, полученного во время боевых действий, было, однако его не систематизировали, поскольку времени прошло еще не так много с окончания кампании. Те же «голландские» полки стали прибывать в Россию только в июне 1800 г. Но использованные ими на маневрах приемы нареканий не вызвали. Известный же приказ относительно взысканий по итогам сентябрьских маневров 1800 г. следует отнести, наверное, прежде всего к тому, что маневры — это все-таки некое «идеальное» сражение, но даже оно сопровождается досадными и неприятными ошибками, которые распространены и в реальных сражениях. Но это недовольство императора было проявлено в отношении конкретных ошибок конкретных людей и никак с качеством обучения и выучки русских войск связано не было.

При этом в кампании 1799 г. ни одно сражение русской армией не было проиграно по причине плохой или недостаточной

обученности войск каким-то эволюциям или тактическим приемам. Столкнувшись с лучшей европейской армией, русские показали себя достойным и опасным противником, а через пятнадцать лет, в покоренном Париже, они станут самой эффективной военной силой Европы.

¹ Лебедев П. С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. 1796–1801 гг. // Русская старина. Т. XVIII. 1877. Вып. 1–4 СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1877. С. 590; Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. VI. Эпоха императора Павла. СПб., 1910. С. 38.

² Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб.:Издательский дом «Империя», 1999. С. 191.

³ Голицын Н. С. Военная история новейших времён. Часть первая. Войны 1-й французской революции и республики 1792–1801. Отделение первое. Первые четыре года (1792–1795). СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», по Мойке № 5, 1874. С. 26.

⁴ Леонов О. Г. Регулярная пехота: 1698–1801. М.: ТКО «АСТ», 1995. С. 137.

⁵ Волков А. Л. Несколько замечаний о «пруссачине» императора Павла Первого и воинском уставе «О полевой пехотной службе» 1796 г. // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XVIII Всероссийской научной конференции. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. С. 292–293.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Волков А. Л. Русские мотивы «прусского» устава императора Павла I // Вестник исторических наук. 2023. Т. 1. № 1. С. 16.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Вяземский А. И. Записка военная, писанная князем Андреем Ивановичем Вяземским в ноябре 1774 г. // Архив князя Вяземского: князь Андрей Иванович Вяземский. СПб., 1881. С. 16–17.

¹⁰ Его императорского величества воинский устав о полевой пехотной службе с планами. М.: В Сенатской типографии, 1797. С. 60.

¹¹ Энгельгардт Л. Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836. М.: Изд. «Русский архив», 1868. С. 202.

¹² Марков М. И. История конницы. Кн. 3. От Фридриха Великого до Александра Суворова. М.: Кучково поле, 2009. С. 309.

¹³ Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. VI. Эпоха императора Павла. СПб., 1910. С. 52.

¹⁴ Татарников К. В. Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов: В двух томах. М.: «Русская панорама», 2010. Т. 1. С. 19.

¹⁵ Жмодиков А. Л. «Наука побеждать». Тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД «Клио», 2017. С. 344.

¹⁶ Там же. С. 344–345.

¹⁷ Рогожан Н. Драгунские полки русской армии в царствование императора Павла I https://reenactor.ru/ARH/PDF/Rogozan_01.pdf?ysclid=lzbkeqbrsy910346393.

- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе. СПб.: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1797. С. 107–108.
- ²¹ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т. XXIV. № 17.587 С. 23–26 (Предложение, данное Военной Коллегии от Президента оной графа Салтыкова «О приведении в исполнение изданных трёх Уставов о воинской службе: двух о конной и одного о пехотной») С. 23–26.
- ²² Там же. С. 24.
- ²³ Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе. С. 85–86.
- ²⁴ Там же. С. 88.
- ²⁵ Судравский В. К. История Лейб-гвардии гренадерского полка 1756–1906 гг. Т. I. СПб.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1906. С. 284–285.
- ²⁶ Грязев Н. А. Мой журнал. СПб.: Наука, 2019. С. 92.
- ²⁷ Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе. С. 36.
- ²⁸ Леонов О. Регулярная пехота... С. 221.
- ²⁹ Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 143.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Байов А. К. Курс истории русского военного искусства. С. 53.
- ³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 16627.
- ³³ История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. Атлас. Приложение VII. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 28.
- ³⁴ Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Восемнадцатый век. СПб.: Тип. Н. П. Собко, 1902. С. 281.
- ³⁵ Бартенев П. Осмнадцатый век. Исторический сборник. Книга четвертая. М., 1869. С. 466.
- ³⁶ История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796–1896. Атлас. Приложение VII. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1896. С. 23.
- ³⁷ Столетие военного министерства. 1802–1902. С. 281–282.
- ³⁸ Там же. С. 282.
- ³⁹ Там же. С. 283.
- ⁴⁰ История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. С. 25.
- ⁴¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. С. 281.
- ⁴² Там же. С. 281.
- ⁴³ История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. С. 25.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 27.
- ⁴⁶ Юркевич Е. И. Строевая и боевая подготовка русских артиллеристов в 1796–1801 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 45.
- ⁴⁷ Там же. С. 46.
- ⁴⁸ Там же. С. 47.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 16627.